

Сергей Новиков: Мои Истории. Позднережневская Эра. Смерть Беллы Субботовской-Мучник.

Введение.

Как шептались тогда, решение Партии об ограничении допуска евреев в престижные университеты было принято около осени 1969 года. Ряд важных антидиссидентских и антиеврейских решений было принято на этот Пленуме ЦК КПСС. Математика была специально помянута. Очень скоро мы могли видеть подтверждение этих слухов. Мой друг Веня Мясников был Ученым Секретарем Отделения Механики Мехмата, замом Седова, который был главой Отделения Механики. Веня был членом Партии. Он позвонил мне осенью 1969 года и сказал: "Я официально болен, но знаю от друга, что в 1й Отдел поступила секретная инструкция: Она требует ограничения принятия на работу лиц, национальность которых составляет большинство в странах, враждебных СССР. Я сейчас в процессе оформления на работу еврея. Это уже почти сделано. После этого я пойду на работу. Меня пригласят в 1й Отдел, где я подпишусь, что ознакомился с новой инструкцией". Завал еврейских докторских диссертаций на мехмате тоже начинается с начала 1970 года—Гриша Эскин и через несколько месяцев Борис Вайнберг. Оба мои однокурсники.

Новый декан мехмата был назначен по приказу с очень высокого уровня. С 1970 года он начал создавать бригады по приему вступительных экзаменов, со специальным отношением к еврейским детям. Ректор Петровский ничего не мог сделать. Скоро он умер. Была создана полностью новая структура. В прошлые времена антисемитизм на приемных экзаменах существовал, но многие умные еврейские дети могли его преодолеть. Кроме того, антисемитские приемные экзамены были по физике или литературе, не по математике. Не было и глобальной организации, все зависело от конкретного индивидуума.

Новый режневский подход исходил из тезиса, что сообщество студентов-математиков должно быть определено математиками, а не физиками или литераторами. Но они должны следовать Генеральной Линии Партии. Еврейские дети собирались в специальные группы, где работали эти бригады, давая им спецзадачи. Такие бригады были созданы во всех университетах. Разумеется, вскоре они стали прирабатывать, продавать свои услуги за деньги. В конечном счете, система приемных экзаменов

разложилась и пала. Позднее стала гнить и разлагаться и вся система экзаменов в ВУЗах, зачастую давая фальсифицированное образование. Но это произошло постепенно, окончательно оформилось позднее, особенно стало массовым, когда практически перестали платить зарплаты преподавателям с распадом СССР.

Мы здесь обсуждаем начало 1980х, самый конец Брежневской Эры. Еврейских детей брали, но только в менее престижные ВУЗы– транспорта, стали, нефтяной, и т.д. Брежнев был человечен. Антисемитизм такого рода был не только у нас, но у нас он был государственным с жесткой инструкцией сверху. В США это было наверное настроением элиты–расизм и антисемитизм, перед войной в 1930 годы, в Гарвард не брали. Я знаю несколько хороших математиков у нас, кончивших эти ВУЗы. Даже крупным талантам пришлось ряд лет добирать мат образование. Таков был интеллектуальный геноцид по Брежневу.

Несколько революционеров в 1980х начали борьбу с этим. Выступая по голосам осенью 1981 года, они и пустили в ход термин "Интеллектуальный Геноцид". Этот термин вызвал истерическую реакцию власти. Это были Сендеров (учитель математики) Каневский (какой-то математик, но я его не знал толком) и Белла Субботовская-Мучник, однокурсница меня и моей жены Эли. Она была ученицей Яблонского и Лупанова, кончала у них аспирантуру в ИПМ. Хотя ее кандидатская сильно цитировалась в докторской диссертации Яблонского, ее в ИПМ на работе не оставили. Я полагаю, Яблонский как член ГБ в 1966-67гг уже знал о планируемом антисемитском повороте Генеральной Линии Партии. Белле, впрочем, представили, что ее не берут, так как вместо нее берут дочь академика Баландина–скромную хорошую девушку, конечно, слабее Белки научно. Так она и думала.

К концу 1980х борьба с интеллектуальным геноцидом была в разгаре. Белла возобновила отношения с моей женой, проявила особый интерес к нашим детям. Она организовывала подпольные лекции для еврейских детей по математике. Находила в вечернее время аудитории. Вовлекла в это моих друзей Фукса, Сашу Виноградова, Алешу Сосинского. Звала и меня. Я сказал ей, что подпольные университеты–опасное дело, расправа может быть и летальной. Вовлечение моих друзей–хороших математиков, людей абсолютно наивных–дело безответственное. Советская власть периода позднего Брежнева могла убивать без суда, хотя конечно такого произвола как убийство, совершенное ГБ без прямой санкции Политбюро, видимо не было. Все было под контролем.

Моя дочь поступала на мехмат летом 1981 года. Беллу сильно шокировало, что деканом мехмата был ее учитель Лупанов. Она стала особо агрессивной. Они с Сендеровым и Каневским организовали передачу по голосам об Интеллектуальном Геноциде в начале осени.

С этого и начинается новый этап работы КГБ—подготовка Процесса. Не сомневайтесь, с этого момента все происходило под проектором КГБ. Кто же из ГБ непосредственно работал с нашими детьми как внедренный, выглядящий как свой? Сендеров и Каневский получили суровые сроки, их действия были открыты. Белку убили. Так что это не они.

Моя дочь Ира сильно переживала, что ее еврейских друзей не пускают на мехмат. Она была под влиянием настроений, близких к диссидентам, хотя и не действовала. Школьники ее круга разбрелись по ВУЗам. Поступили все. В это время им было по 17 лет. ГБ занималось молодежью, начиная с 18 лет, революционеры—с 15. Осенью, зимой, весной Луиза Кириллова стала усиленно собирать их у себя, затягивала и мою дочь. Я был избран академиком в декабре 1981 года. Положение академика в СССР было высоким, несравнимо выше член-кора. Власть хотела держать академиков под контролем. Луиза Кириллова стала меня разрабатывать с Января. К Ире был особый интерес. Завербовать, посадив на крючок меня можно через грехи детей. Это было стандартной схемой тогда. Я этого ничего не понимал. Весной в начале Мая Луиза с семьей приехала в Черноголовку, усиленно общаясь с нами. Мой друг Соломон Альбер, опытный рефузник, сказал мне, что поведение Луизы странно, не соответствует разрекламированной репутации семьи Кирилловых. Мы обсудили с ним и пришли к выводу, что она скорее всего ГБ. Мы с Элей сделали все, чтобы Ира не ходила к Луизе. Она скандалила, обзывала нас всячески. Мы стали образцом глупой родительской беспричинной косности. Так продолжалось до конца июня. Между тем всем детям этого Клуба Луизы с января по июнь исполнилось по 18 лет. Гельцер и Дудучава из класса Иры в школе, как и Юля, дочь Луизы, Мандельштам, Митя, сын Саши Крылова и некоторые другие. Я уже забыл ряд имен.

Следующий этап начался внезапно в конце июня. Легкомысленное отношение сменилось испугом. Эти дети не понимали, сколь опасную игру они играли. Гельцер арестован, Мандельштама допрашивали 24 часа, Дудучаву тоже допрашивали несколько часов. У Гельцера нашли много антисоветского материала, как будто специально для процес-

са. У Мандельштама не нашли ничего и были в ярости. Считали или знали, что что-то должно быть. Его тетка накануне что-то провокационное у него нашла и выбросила, как она сказала потом Эле. У Дудучавы нашли пишущую машинку. Мы знаем, что Гельцер и Мандельштам подкладывали листовки в почтовые ящики, она их перепечатывала. Сендеров тоже был арестован. Каневский был арестован через несколько дней после возвращения из командировки. Продолжали допрашивать и других, например, Митю Крылова. Говорили, что Беллу вызвали в КГБ. Она охотно пошла, принесла мат задачи для еврейских абитуриентов, жаждала прийти еще. Видимо, их "людовед" доложил, что делать с ней нечего, ее в процесс вовлекать нельзя. Наша Ира испугалась. Но ее не вызвали на допрос—видимо, мы оттащили ее вовремя. В начале осени пришел вызов моей жены Эли на Лубянку. Она в ужасе бросилась ко мне. "Только никому не говори"—говорит. Я посоветовался с другом семьи художником Домогацким, сыном очень известного скульптора. Он был знатоком живописи, лучший художник Москвы Биргер и скульптор Митляндский считали себя его учениками. Домогацкий сказал следующее: "Биргера вызывали и он не пошел. Ничего, пришли второй раз с милицией. Здесь делать нечего, надо идти."

Мой друг Соломон выразил иное мнение:

"Не смотри на Биргера"—сказал он. "Это лучший художник Москвы, участник Сталинградской Битвы, сейчас несколько диссидентствует. Он со скандалом вышел из КПСС при Хрущеве. Или его исключили публично, сам Никита орал. Несомненно побеседовать с ним был приказ с самого верха. Эля другое дело. Она не диссидентствует. Это просто провокация лично против тебя. Может быть ты сглупишь и она придет. Они оформят приход как добровольную явку. Никакого вызова и не было. Ее будут стращать. Она растеряется. Ты побежишь ее выручать, и вступишь с ними во взаимодействие. Это и есть их цель."

Посмотри на повестку. Какие страшные угрозы, если не явишься. А откуда она отправлена? Из КГБ? Нет. Полковник Малов вышел на улицу и бросил ее в обычный постовый ящик. Видишь штамп"

Я спросил Соломона: "но почему им не отправить ее действительно из КГБ?" Он сказал: "Тогда Малову скажут—ты Малов так всю московскую интеллигенцию перевызываешь. Тебя хорошее место в Бурят Монголии ждет, для Москвы ты не годишься. И он это знает, не ошибется. Не пришла—крючок не сработал. Имей в виду наш опыт, рефузников. Мы не совсем диссиденты, но живем родственной жизнью. Шум—наш"

союзник. Сахаров это знает, а Шафаревич нет. Видимо, он и попался на этой реакции маленького советского человека сталинского периода.— Молчи, не говори никому.” Близкий ему Андрей Тюрин рассказывал мне тогда, в начале 1980х, что Шафаревич имел проблемы с Луизой. Когда он стал диссидентствовать вместе с Сахаровым в начале 1970х, Луиза сразу вступила с ним в тесные отношения, сильно помогала. Зимой он поехал на Западную Украину кататься на лыжах—кажется, в Ворохту. Туда сразу примчалась и Луиза с двумя детьми. Между тем, приехали 2 человека характерного ГБшного вида. Шафаревич заметил, что Луиза с ними встречается. Он в тот же день сел на поезд и уехал в Москву. Однако, Шафаревич огласке это не предал.”Никому не говори. Молчи.”

Я всем говорил, орал о хамском вызове Эли по всем прослушиваемым телефонам. Телефоны академиков прослушивали. Элю не пустил. Повестку я уничтожил. Это было глупо. До сих пор жалею. Я бы ее сохранил для потомков. Никто вызова и не повторил.

За месяц до смерти Брежнева Беллу убили. Ее сбила на- смерть неизвестная машина. Это произошло поздно вечером, недалеко от дома. Дело открыли, но разумеется, никого не на- шли. Детский процесс не успел начаться: Брежнев умер.

Новый генсек Андропов осудил коррупцию периода Брежнева. Кстати, он не был Председателем КГБ последний год Брежнева. Тот его отстранил, назначил Федорчука с Украины. Была крупная ссора зимой 1981/82 года в самой верхушке власти, когда Брежнев совсем разлагался. Арест одного из любовников Галины Брежневой циркача Бориса Цыгана и допрос его следователем КГБ с поминанием Галины был сообщен по голосам. Брежнев впал в дикую ярость. Первый зам Андропова ставленник Брежнева Генерал Цвигун, курировавший в частности детей Брежнева, видимо, совершил здесь какие-то ошибки. Говорят, бросился к Суслову, а не к хозяину—Брежневу? Все-таки, Брежнев был диктатором и его хозяином. Это у них был серьезный грех. Так или иначе, он был убит. Сообщили о самоубийстве, но потом выплывали противоречащие детали. Суслов переживал сильно. Он был уже очень слаб здоровьем и умер. Не от страха ли? Таково было начало 1982 года. Детский процесс готовился уже без Андропова. Повидимому, Брежнев хотел совсем отстранить Андропова и Устинова, но не успел. Он умер в ноябре 1982 года, и Андропов пришел к власти. Он не был мягок, но считал, что надо издавать нужные большевикам законы и судить врагов по закону, открыто. Брежневский режим стал преступен по его мнению. Убивать

из-за угла—преступление. Убийства диссидентов на этом кончились, хотя на Западе долго еще использовали мифологию убийств КГБ для публикации, вешая лапшу для пропаганды.

Власть не должна быть преступной—считал Андропов. Повидимому, он был последним верующим большевиком. Плохо понимал в экономике, считал, что все решит дисциплина, борьба с коррупцией. Детский процесс Андропов закрыл. Старшим—Сендерову и Каневскому— дали значительный срок. Всех кроме Гельцера отпустили. Его завербовали, дали для порядка 2 года условно и восстановили в ВУЗе, в группе теорфизиков в Институте Стали, созданной Абрикосовым. Физиком он не стал, но позднее стал экспертом, представителем какой-то международной финансовой группы—видимо, связанной с КГБ. Отец Дудучавы, грузин, вскоре умер от сердца. Ее жизнь оказалась покалеченной последствиями этих событий.